

**НАРОДНЫЕ СУДЫ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦАРИСТСКОГО ТУРКЕСТАНА –
ВАЖНОЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО “ТУЗЕМНОГО” САМОУПРАВЛЕНИЯ
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассмотрены положение и роль “туземной” судебной власти в системе общих органов местного самоуправления в среде кочевого населения дореволюционной Средней Азии.

Ключевые слова: суд; власть; самоуправление; кочевники; Средняя Азия.

Советская историография разделяла мнение о том, что царская власть не имела эффективных рычагов влияния на народные суды, отражавшие преимущественно интересы местной аристократии в лице “туземной” администрации. Советский туркестановед Т.С. Саидбаев писал в 1978 г. о том, что после присоединения Средней Азии к России русские власти формально надзирали за деятельностью народных судов, но “фактически действенного контроля со стороны русской администрации за деятельностью судов не существовало и они действовали так, как и до присоединения к России”¹. Несколько иной точ-

ки зрения придерживался казахский советский исследователь К.А. Жиренчин, писавший в 1979 г. о том, что “суд биев находился в полной зависимости от колониальной администрации и *органов “общественного самоуправления” казахов*”². (Курс. нап. – А.С.) Мы полагаем, что он тоже был прав, так как “полная зависимость” кочевого суда от царизма и пребывание последнего под его жестким контролем – понятия, на наш взгляд, весьма не тождественные.

Как известно, законом от 2 июня 1898 г. в Туркестане была проведена судебная реформа, суть которой заключалась в распространении на этот регион

¹ *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования / Т.С. Саидбаев. М., 1978. С. 97.

² *Жиренчин К.А.* Реформы управления 60-х гг. XIX в. в Казахстане и их политические и правовые последствия / К.А. Жиренчин. Алма-Ата, 1979. С. 18.

Судебных уставов 1864 г.¹ Однако она фактически никак не отразилась на союзе “туземной” администрации и народного суда как двух главных звеньев самоуправления коренных народов Средней Азии. Более того, у нас есть все основания полагать, что взаимовыгодное “сотрудничество” волостных и аульных старшин с народными судьями-биями в последующем только укреплялось и совершенствовалось. Чтобы наш вывод не казался голословным, сошлемся на конкретные факты того времени. Младший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Бердыбек Сыртыков писал в июне 1907 г. в докладной записке о том, что “народным судом, *который всецело в его руках*, волостной управитель губит своих противников. Через подставных лиц предъявляет к ним ложные иски, обвиняя в кражах. При разборе дела *народные судьи пишут решения по подсказу волостного управителя*, приговаривая во всех случаях к тюремному заключению для того, конечно, чтобы эти киргизы не могли баллотироваться на какие-либо должности в волости, чем и объясняется то обстоятельство, что в некоторых волостях волостные управители – или мальчишки, или же какие-нибудь идиоты, за которых часто управляют волостями отсидевшие раньше в тюрьмах их близкие родственники”². (Курс. наш. – А.С.) Это объяснялось тем, что, согласно статье 64-й “Степного положения” 1891 г.³, на должность волостного управителя или аульного старшины мог “быть избран каждый кибитковладелец волости или аульного сообщества, по принадлежности, не подвергавшийся по суду взысканиям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не находящийся под следствием и судом”⁴. Любопытно, что такие же требования этот документ предъявлял в статье 113-й и к избранию народных судей, однако, если

возрастной ценз для волостных и аульных старшин составлял 25 лет, то для судей-биев он был намного выше – 35 лет⁵. Сыртыков отмечал, что “народные судьи и аульные старшины должны быть избираемы аульными сходами, каждый по своему аулу. Аульному обществу больше всех известно, кто у них может занять должность судьи или старшины, и в силу соблюдения своих личных интересов оно должно избирать на эти должности самых лучших людей. При установлении такого порядка, численность аульного общества не должна быть менее 250 кибитковладельцев и более 500 – так как аульные общества с меньшим числом кибитковладельцев с трудом будут отбывать денежную повинность. Народные судьи и аульные старшины должны быть устраняемы аульным сходом с должностей при первом же установлении противозаконного их поступка, для преследования которого законным путем аульный сход должен немедленно представить копию своего приговора уездному начальнику”⁶. Подобного рода документы достигали вершин государственной власти, которая принимала их во внимание. Так, 17 февраля 1910 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров П.А. Столыпин обратился к военным губернаторам “степных” областей с циркулярным предписанием, в котором отмечал, что “киргизская волость не только единица административная, но еще в значительной степени – экономическая, в которой сосредоточены все жизненные интересы аульных обществ, входящих в ее состав. Главнейшая основа экономического благосостояния киргиз – земля – находится в распоряжении волости; от нее зависит распределение и передел угодий между аулами; от нее зависит разрешение земельных споров между обществами; она разверстывает подати между аулами, она же избирает народных судей. Естественно, что в таких условиях волостной управитель является полным хозяином волости и вершителем судеб населения. Опираясь на волостной съезд выборных, он чрез них проводит в судьи тех лиц, кои угодны ему и его партии; он чрез них же распределяет земли так, как это выгодно ему или его приверженцам, не щадя даже тех, у кого фактическое пользование (землей. – А.С.) уже установилось; при помощи того же съезда он перекладывает значительную часть податного бремени на своих противников. Все эти своеобразные счеты в большинстве случаев осуществляются беспрепятственно, ибо жалобы потерпевших только

¹ См.: Высочайше утвержденные “Временные Правила о применении Судебных уставов к областям Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской”. 2 июня 1898 г. // ПСЗРИ. Собр.3-е. Т. 18. Отд. 1. 1898 г. СПб., 1901. № 15493. С. 390.

² Цит. по: Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 412.

³ Официально называлось: “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской”. См.: Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 259–270.

⁴ Высочайше утвержденное “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской” // Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 264.

⁵ Там же. С. 266.

⁶ Цит. по: Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 413.

ухудшают их положение, так как против жалобщиков возбуждаются всевозможные фиктивные и вымышленные дела гражданского и особенно уголовного характера, по которым *попослушный управителю суд, пополняемый людьми одной партии, присуждает своих противников не только к разорительным в хозяйственном отношении штрафам, но и к тяжким уголовным наказаниям, достигая сразу двух целей – имущественного разорения и партийной безвредности противников*. Изложенное само собой подсказывает и тот путь, по которому должна идти реформа общественного управления и суда киргиз. Величайшее зло киргизского быта – партийные раздоры – прекратится само собой, если будут уничтожены средства, его питающие и поддерживающие, и в этом отношении, прежде всего, *киргизская волость должна быть единичей чисто административной; все же дела экономического характера должны перейти к аулу*; затем должна быть изменена нынешняя система податного обложения и заменена такой, которая, устраняя какое бы то ни было влияние волостного или аульного съезда на обложение населения податями и раскладку их между отдельными плательщиками, с тем вместе отвечала бы, по своим основаниям, интересам населения и государства¹. (Курс. наш. – А.С.) Безусловно, Столыпин вряд ли исходил в данном случае непосредственно из докладной записки неизвестного ему семиреченского чиновника-казаха. Но материалы состоявшейся в 1908–1909 гг. правительственной “ревизии” Туркестанского края он, понятно, не мог не учитывать. А руководитель этой “ревизии” сенатор К.К. Пален в своем “всеподданнейшем” отчете писал о том, что народные судьи кочевников – *бши есть ставленники “джакишияров” и делают все по их указке*. Он писал: “Таким образом, назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям выродилось в лицеприятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс”². (Курс. наш. – А.С.) На наш взгляд, в данном случае известный царский бюрократ оценивал ситуацию почти с марксистских позиций. Во всяком случае, его вывод во многом перекликается с идентичными умозаключениями советских историков по данному поводу³. Но и сам К.К. Пален, и его сотрудники, готовясь к “ревизии”, не могли не учитывать мнения известных российских специалистов

¹ Цит. по: Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 414–415.

² Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1910. С. 42.

³ См. напр.: История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Фрунзе, 1986, Т. 2. С. 101–104.

о смычке волостной и аульной администрации с народными судами в среде номадов Туркестана. Например, известный российский прокурор и публицист Б.Н. Дельвиг писал о том, что русские власти знают о народных судах кочевников со слов богатых и должностных “киргизов” и потому они не могут действовать в интересах народной справедливости. По его мнению, такие народные суды, находящиеся в руках должностных и богатых “киргизов”, подрывают престиж русской власти в глазах простого народа, который считает, что она действует заодно с ними. При этом он откровенно писал, что “если киргизский суд и существует, то лишь потому, что *русские власти стаскнулись с богатыми киргизами ради выгоды*”⁴. (Курс. наш. – А.С.) Дельвиг считал, что народный суд “облечен государством непомерной властью” и писал о том, что он как прокурор убедился в том, что “никакого уголовного кодекса для народного суда не существует, поэтому народные судьи действуют по произволу – за малое приговаривают к большому и наоборот”⁵. И такие мнения были не редкими в среде российских юристов и публицистов, интересовавшихся проблемами “народного” судопроизводства в “Степи” и Туркестанском крае.

Безусловно, ряд вышеприведенных примеров можно было бы продолжить, но, на наш взгляд, и их достаточно для того, чтобы на этом основании прийти к выводу о том, что народный суд кочевого населения царистского Туркестана являлся важным звеном в системе местного (так называемого, “туземного”) самоуправления. Однако степень его зависимости от царской власти в регионе была скорее формальной, нежели значительной и определяющей. В то же время народный суд номадов Туркестана находился в цепких руках традиционной родоплеменной кочевой аристократии в лице избранных (из ее среды или делегированных ею) народом должностных лиц “туземной администрации”, располагавших такими мощным рычагом влияния, как перераспределение земель, угодий, пастбищ, водопоев и т. п. Это подтверждает превалирование экономической парадигмы над всеми остальными. Сами народные судьи могли быть избраны только при поддержке тех или иных партий “туземной” элиты, в связи с чем, находясь на своих должностях, они должны были “отрабатывать” вложенные в их выборы материальные и “моральные” средства. Простой народ очень хорошо понимал значе-

⁴ Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края / Б.Н. Дельвиг // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 139.

⁵ Там же. С. 131.

ние “смычки” волостной и аульной администрации с народными судами биев, направленной против его коренных интересов. Малоизвестно, но факт, что во время восстания 1916 г. в царистском Туркестане “киргизы, а равно и иные этносы перебили немало своих собственных “сородичей” из числа лиц “туземной администрации” и продажных судей – биев и казиев”¹. Поэтому вряд ли правомерно утверж-

¹ *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управле-

дать, что оно было только антирусским или националистическим. Мы считаем, что восстание 1916 г. было антицаристским и антивластным, и это уже фактически неоспоримо.

ния Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: Изд-во ЕГУ, 2007. С. 406.